

И. А. Гордеева

Идеи Н. Н. Неплюева в контексте истории неославянофильства второй половины XIX — начала XX века

Статья посвящена проекту Трудового братства Н. Н. Неплюева (1851–1908) в контексте истории неославянофильства второй половины XIX — начала XX в. Общественный идеал Николая Николаевича Неплюева имел христианско-социалистический характер и был направлен на решение острых социально-экономических и религиозно-этических проблем своего времени. Его реализация предполагала коренную реорганизацию существующего строя как в экономическом, так и в духовном отношении. Путь к своему идеалу Н. Н. Неплюев называл «мирным прогрессом» или «мирным переворотом», что можно рассматривать в качестве аналога идеи мирной, ненасильственной революции «толстовцев» начала XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неославянофильство, коммунитарное движение, мирная революция, Н. Н. Неплюев (1851–1908), Воздвиженское (Крестовоздвиженское) трудовое братство, христианский социализм.

Цель данной статьи — рассмотреть некоторые общественно-политические особенности идей известного общественного деятеля Николая Николаевича Неплюева в контексте истории неославянофильства конца XIX — начала XX в.

Начало общественной деятельности Николая Неплюева относится к концу 1870-х гг.¹ Он родился в Черниговской губернии в старинной и богатой дворянской семье. Образование, поначалу домашнее, завершил в столичной гимназии, затем окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

В 1875 г. Н. Н. Неплюев начал дипломатическую карьеру в Мюнхене, но через два года внезапно бросил ее и, возвратившись в Россию, поступил вольнослушателем в Петровскую академию. Сам он объяснял резкую перемену образа жизни работой сове-

1. Подробнее см.: [Авдасев].

сти, мучившей его в чужих краях все три года, особенно сильно она давала о себе знать на светских вечерах, балах и высоких приемах. После подобных мероприятий он часто ощущал «духовное томление» и неудовлетворенность своей жизнью [Неплюев. *Историческое*]. Впоследствии Николай Николаевич неоднократно рассказывал, что важную роль в принятии этого решения сыграло шестикратно повторявшееся и рождавшее чувство необыкновенного умиротворения сновидение, где он видел себя в простой избе окруженным крестьянскими детьми с одухотворенными лицами [Неплюев. *Историческое*].

Размышления о тяжелом положении крестьянства, о вине его предков перед народом заставили молодого дворянина, стыдясь «прошлого своего сословия, как собственного греха», полюбить простой народ «не только любовью жалости, но и любовью раскаяния» [Неплюев. *Историческое*]. После подобных переживаний Николай Неплюев решил лично принять «нравственную ответственность за предков перед детьми народа», вернуться в Россию и заняться делом народного образования.

В 1880 г. Н. Н. Неплюев поселился в родовых имениях в местечке Янполь и селе Воздвиженском Глуховского уезда Черниговской губернии. С помощью своей матери и сестер Ольги Неплюевой и Марии Уманец, борясь с непониманием со стороны отца, он начал свое дело с того, что попытался дать христианское воспитание и сельскохозяйственное образование нескольким крестьянским детям из бедных семей. Он хотел воспитать «детей народа» «в сознательной вере и привычках устойчивой, деятельной, торжествующей любви» [Неплюев, *Христианское*, 5].

В 1885 г. Николай Николаевич учредил в Воздвиженском мужскую сельскохозяйственную школу, а в 1891 г. — и женскую. Школы пользовались огромной популярностью у местных крестьян, в них дети получали не только специальное образование, но и религиозно-нравственное воспитание. Выпускники школ Н. Н. Неплюева со временем стали участниками его социального эксперимента — Воздвиженского трудового братства, которое постепенно складывалось с начала 1890-х гг. и нашло свое юридическое закрепление в 1893–1895 гг. [Воздвиженское].

Трудовое братство было практической попыткой реализации христианско-социалистического идеала Николая Николаевича. Оно представляло собой одновременно и сельскохозяйственную артель, занимавшуюся совместным трудом, и церковное православное братство. Николай Николаевич был блюстителем брат-

ства, которое управлялось братской думой и делилось на братские семьи, каждая из них занималась каким-то особым видом деятельности (семья учителей, прачек и т. д.) и носила имя какого-либо святого.

К 1900 г. в братстве было 150 членов, а вместе с воспитанниками школ число «неплюевцев» превышало 300. В декабре 1901 г. Н. Н. Неплюев передал в дар братству недвижимое имущество, состоявшее примерно из 16 435 десятин земли с лесом, постройками и заводами. Несмотря на то, что братство знало трудные времена, когда существование внутренней оппозиции ставило его на грань разрушения, Николай Николаевич считал свой опыт удавшимся. В 1903 г. он писал:

Двадцати лет радостных трудов оказалось достаточным, чтобы частный человек мог подарить церкви и отечеству своему живую, здоровую клетку, состоящую из живых духом и здоровых телом и духом людей, сплоченных любовью к Богу и к друг другу в одну братскую семью, полную духа мира и единения в братолюбии [*Неплюев. Доклад, 39*].

Скоропостижная смерть Н. Н. Неплюева в 1908 г. не стала концом его дела. Братство возглавила его сестра М. Н. Уманец, а воспитанные им братчики сумели справиться и с хозяйством, и с внутренним управлением общины, число членов которой росло и вскоре достигло 500 человек. После Октябрьской революции христианские формы общежития Трудового братства были превращены в «коммунистические», на его месте возникли коммуна, артель и совхоз. Когда же в 1929 г. братчиков выселили из Воздвиженска, дело Н. Н. Неплюева и его идеи были преданы забвению. Только в середине 1980-х гг. потомки членов Трудового братства и православная интеллигенция активно принялись восстанавливать их память.

Помимо практической деятельности Николай Николаевич занимался разработкой богословских, религиозно-нравственных и общественно-политических вопросов, публиковал многочисленные статьи и брошюры. Самобытность и оригинальность его идей, а также необычная для того времени практическая направленность его идеала делают определение его общественно-политической позиции непростой задачей. Он соединил в себе черты христианского социалиста и русского народника, консервативного романтика западного образца и очень нетипичного славянофила, последовательного

социального утописта, редчайшего типа православного коммунитариста² и экумениста.

Наиболее очевидна связь проекта Н.Н. Неплюева с неославянофильскими идеями. История славянофильства в пореформенный и более поздние периоды до сих пор мало изучена как в российской, так и в зарубежной историографии. Отдельные исследователи указывают на сложность определения неославянофильства [*Тесля. Этапы*] — именно так принято называть данное направление общественной мысли применительно ко второй половине XIX — началу XX в., а есть и такие, кто считает, будто после «классического» периода 1840-х гг. в данном направлении общественной мысли ничего интересного с интеллектуальной точки зрения не происходило³.

Более или менее конвенциональными в настоящее время можно считать следующие признаки неославянофильства:

- этот период был ознаменован переходом от утопического проектирования к практической деятельности в связи с новыми возможностями для общественной самореализации, возникшими в период правления Александра II [*Валицкий, 126–127*];
- повестка дня неославянофильского направления определялась проблемами внутренней политики меняющейся России пореформенного и последующих периодов, стремительной модернизацией страны и реакцией на эту модернизацию российского общества, индустриализацией и развитием капитализма, трансформацией сословного строя, тяжелым положением крестьянства и болезненным аграрным вопросом, необходимостью раз-

2. Коммунитарное движение — один из четырех способов проведения в жизнь социальных преобразований (наряду с буржуазным индивидуализмом, революционным способом изменения общества и реформизмом, стремящимся к постепенному введению социальных новшеств). Он представляет собой общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путем внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины. Особенно важную роль коммунитаризм играл с начала XIX и в XX в. в истории США, где его идеалы считаются важной характеристикой национально-самосознания. В России первые коммунитарные проекты совместной жизни и общего труда, имевшие целью указать путь к реорганизации всего общества, были задуманы еще в 40–50-е гг. XIX в. С конца 60-х гг. мечты о самосовершенствовании

в общине единомышленников все чаще стали воплощаться в практической деятельности, а стремление к организации «экспериментальных» общин приняло массовый характер, стало феноменом общественного настроения [*Гордеева 2003*].

3. «Переход славянофильства от стадии философской утопии на стадию практической политики имел своим следствием больший “реализм”, но также и идейное обеднение; этот переход затемнил или даже устранил ретроспективный утопизм ранних славянофилов, но одновременно усилил общность интересов между теоретиками славянофильства и реакционными силами русского общества. Поэтому, с точки зрения историка идей, славянофилы интереснее в 1840-е годы, чем позднее, когда они получили в свое распоряжение журналы и смогли принять активное участие в политических делах» [*Валицкий, 129*].

вития гражданского общества и народного представительства [Соловьев. *Кружок*];

- в данный период славянофилы разрабатывают и публично обсуждают проблемы церковно-государственных отношений и вопрос об изменении церковного строя страны [Тесля. *Церковные*].

Подобно славянофилам, Н. Н. Неплюев был склонен использовать в своем социальном проектировании язык прошлого. Особенно характерна архаизация языка для проекта Устава Трудового братства. Полагая, что в будущем возникнет много подобных братств, и они будут поддерживать между собой дружеские связи, Николай Николаевич предусмотрел, что если в одной губернии образуется более пяти братств, то они «составляют из себя боярство и выбирают из числа Посадников Боярина», а общие съезды представителей всех братств носят название братских соборов.

При образовании многих боярств, их представители собираются каждые три года на Великие Братские Соборы под председательством выборного Ближнего Боярина, который живет постоянно в Царской резиденции и является представителем и ходатаем всех трудовых Христовых братств Российской Империи перед верховною Властью [Неплюев. *Материалы*, 18].

Однако идеализация прошлого никогда не была характерна для Н. Н. Неплюева, а риторика особого русского пути появляется у него только в начале XX в. и особенно усиливается в период первой русской революции.

Во многом его проект был реакцией на неудовлетворенность общества результатами Великих реформ, стремлением защитить их дух и скорректировать их в христианском направлении. В 1881 г. Николай Николаевич писал о пореформенном настроении общества:

Многие реформы, и крупные реформы, были завершены, а всем казалось между тем, что это еще только начало, почти ничто, а что нечто заправское, хорошее где-то впереди. Об этом нечто — заправском и хорошем — страшно много мечтали, а оно все не приходило, будто все осталось по-прежнему. Крестьянин свободен, а ожидаемого преобразования с ним от этого ни на другой, ни на третий день реформы не последовало. Дано земство и опять-таки заседающие в нем гласные не только в мудрецов, но даже и в заправских граждан не обратились, а остались все теми же обывателями росейскими. И возопили все разочарованные гласом велием. Пошел стон по земле православной. Какие это нам дали реформы, это не те, не заправские; дайте нам

реформы заправские, а тогда, тогда... тогда вышло бы только, что и они не заправские [Неплюев. *Совесть*, 261].

С точки зрения Н. Н. Неплюева, высоко ценившего дух преобразований 1860-х гг.⁴, России необходимы не новые реформы, а новые люди и практическое осуществление христианских идеалов в общественно-политической жизни. Под влиянием реформ изменились социальные учреждения, но люди остались все те же. Николай Николаевич не сомневался, что новые социальные учреждения повлияют на людей, по своему умственному и нравственному уровню пока еще до них не доросших, но свершится это постепенно, через несколько поколений [Неплюев. *Совесть*, 261].

Как и многих других славянофилов, Н. Н. Неплюева беспокоил разлад между верой и жизнью [Неплюев. *Трудовые*, 3]. «А между тем, — пишет он, — гоняясь за призраком еще лучших социальных учреждений, никто не думал делать и того, что вполне возможно было сделать и при существующих» [Неплюев. *Трудовые*, 262]. Общественные идеи Николая Николаевича отличаются характерной для периода неославянофильства ярко выраженной «практической» направленностью. В своих статьях он неоднократно высказывался о том, что мало иметь христианские идеалы, проблема России в том, что их никто не воплощает в жизнь, и призывал перейти «...к честному осуществлению в собственной жизни того, что давно прекрасно проповедовалось и со всех церковных и многих университетских кафедр давно советовалось (альтруизм, общинное начало, единение и самопожертвование на пользу общую)» [Неплюев, *Частное*, 12].

Николай Николаевич всегда был в курсе текущих общественно-политических событий и оперативно на них реагировал. Он был участником полемики о роли дворянства после отмены крепостного права, о судьбе сословного общества и положении крестьян, высказывался по вопросу о крестьянской общине, о роли мирян в церкви, введении народного представительства, выступил публично со своим вариантом выхода из общественно-политического кризиса 1905–1907 годов.

В то же самое время в идеях Н. Н. Неплюева есть народнические черты. Как и многие народники, он рассматривал свою

4. Отмену крепостного права Н. Н. Неплюев считал «истинно христианской реформой» [Неплюев. *Хлеб*, 307].

деятельность как «плод покаяния за предков» [Неплюев. *Письмо*, 4]. С психологической точки зрения, Николай Николаевич был представителем того мирного крыла народничества, которое породило российское коммунитарное движение [Гордеева 2003, 181–188]. Участники коммунитарного движения относились критически не только к самодержавному режиму и нарождавшемуся капитализму, но и к революционным народникам, критикуя их насильственные способы борьбы. По самой постановке вопроса о способе изменения общества к лучшему Н. Н. Неплюев был близок к таким направлениям российского коммунитаризма, как «богочеловечество» [Соловьев. *Я сказал*; Соловьев. *Богочеловеки*] и «толстовское» движение [Гордеева 2003; Alston].

В отличие от народников, Николай Николаевич был склонен говорить о своем общественном идеале исключительно на языке христианства, расценивая Трудовое братство как «...разновидность плода, которое во все времена приносило святое дерево, прежде в форме братских общин первых веков христианства, потом в форме аскетических трудовых братств — общежительных монастырей» [Неплюев. *Вера*, 48]. В 1892 г. в прошении в Синод он сформулировал цель организации братской артели как «ограждение ближних» «от назойливых искушений современной жизни» и «доставление желающим возможность жить с теми, кто воистину о Христе брат для них по духу», цитируя слова псалма: «как хорошо и как приятно жить братьям вместе» [Неплюев. *Трудовые*, 12].

Описания идеального устройства социальных отношений и решения земельного вопроса у Н. Н. Неплюева носят, несомненно, христианско-социалистический характер. Его проект трудовых братств предполагал воспитание в крестьянах духа и дисциплины любви, но также и обобществление их земельных наделов и введение совместной обработки земли, объединение крестьянских наделов в одну производительную и потребительную артель [Неплюев. *Доклад*, 20–21]. Такая община, по его мнению, могла бы стать основой «бесконечного мирного прогресса», «...при дружном содействии Церкви, Государства, крупных землевладельцев, интеллигенции и духовенства, Россия быстро покрылась бы такими трудовыми общинами и это дело насущной государственной необходимости осуществилось бы, обеспечивая нашему отечеству благоденствие мирного прогресса, при дружном соучастии всех слоев русского общества» [Неплюев. *Доклад*, 22, 23].

В работах Николая Николаевича нечасто можно найти попытки самоопределения своей общественно-политической по-

зиции⁵. Прежде всего, он считал себя христианином, православным человеком, призванным осуществить христианские идеалы на практике. Были случаи, когда он признавал себя консерватором — «...не в смысле ретроградства и не в смысле охранения зла рутины жизни, а в смысле искреннего и горячего желания блага Церкви, Государства и общества, всей земли Русской, тесного и мирного единения всех слоев русского общества на общее дело мирного прогресса страны путем честного осуществления идеальных основ нашей государственной жизни» [*Неплюев. Доклад, 3–4*]. Чуть позже, во время революции, он уже писал, что не может себя всецело ассоциировать с консерватизмом, потому что его представители «производили впечатление, будто вся их программа сводится на бесправие народа и безответственность властей» [*Неплюев. Партия, 5–6*].

Также он использовал формулу «православие, самодержавие, народность», но в своей собственной, оригинальной, интерпретации⁶. При этом для него была характерна чисто славянофильская критика пороков «исторического» самодержавия [*Неплюев. Вставай, 12*].

Отношение Н. Н. Неплюева к крестьянской поземельной общине, с одной стороны, носило на себе отпечаток славянофильства, а с другой, было глубоко оригинальным. Николай Николаевич считал, что «...община в том виде и с тем характером, как она теперь существует, не может никого удовлетворять, стесняет всякую возможность улучшения крестьянского хозяйства и ставит личность крестьянина в тяжелую, почти рабскую зависимость от общества его односельчан» [*Неплюев. Доклад, 4*]. Тем не менее, по его мнению, общину нельзя разрушать из-за того, что это обернется обезземеливанием крестьян и их быстрой пролетаризацией. План Н. Н. Неплюева предполагал сохранение общины и ее реорганизацию в духе его идеи трудовых братств, т. е. «...совершенное изменение самого духа этой организации, самого характера отношений ее сочленов, как друг к другу, так и к самой общине» [*Неплюев. Доклад, 5*].

5. Богословские и общественно-политические работы Н. Н. Неплюева содержат в себе самобытную лексику («дисциплина любви», «мирный прогресс» и т. д.), интеллектуальные источники которой еще предстоит прояснить.

6. В частности, по мнению Н. Н. Неплюева, характер русского самодержавия определяют слова «Божиею милостью», делая его прямою противоположностью деспотизма («признавать источником власти “Божью милость” значит признавать для себя обязательною верность Богу и конституцию правды Божией») [*Неплюев. Вставай, 10*].

Общинные и социалистические симпатии Н. Н. Неплюева, как и оригинальное совмещение им неославянофильской проблематики с коммунитарными идеями, хорошо проявляются с помощью понятия «*Gemeinschaft*», которое объясняет особенности реакции на модернизацию людей консервативно-романтического склада.

Еще до того как капитализм занял господствующее положение в экономической и социальной жизни России, угроза его наступления начала болезненно переживаться в стране. Российское общество было травмировано западным опытом социально-экономического развития и революционных потрясений конца XVIII — первой половины XIX в. Эта травма стала неизменной предпосылкой развития общественной мысли и психологической основой для критики капитализма и современности как справа, так и слева. Это настроение нашло свое выражение в ряде интеллектуальных и идеологических проектов смягчения или полного преодоления их недостатков: это и теория «официальной народности», и славянофильская идея, и русский социализм А. И. Герцена, и русское народничество, и коммунитарное движение, и русский марксизм.

Подобные переживания не были специфичны именно для России, свои страхи российские интеллектуалы разделяли с европейцами, в постановке этой проблемы российская философская и общественно-политическая мысль во многом была схожа или следовала за немецким романтическим консерватизмом в лице таких его представителей, как, например, Ф. фон Баадер, А. Гакстагаузен, Ф. Теннис и другие.

Показателен пример немецкого консервативного романтика и социолога Ф. Тенниса, который попытался сформулировать на научном языке свои личные переживания, связанные с наступлением современности, заложив социологическую традицию осмысления двух типов общества. В своей книге «Общность и общество» (1887) он пишет, что в современной ему Европе положение человека в обществе и характер его связей с другими людьми кардинально меняются, все более превращаясь из органических, эмоциональных, непосредственных, личностных и самоценных, в механические, рационально-договорные, формально-правовые, рыночные, анонимные отношения. Первый тип связей между людьми он назвал «*Gemeinschaft*» («общностью», «общиной»), а второй — «*Gesellschaft*» («обществом») [Теннис. *Основные; Теннис. Социологический*]. По словам Р. Арона, «...оба эти понятия имели

одновременно историческое и надысторическое значение — как фундаментальные структуры общества и как разные моменты его развития»⁷.

Для Ф. Тенниса, который приступил к написанию своей книги в начале 80-х гг. XIX в., эти два типа общественных отношений были не только теоретическими абстракциями, но и конкурирующими ценностями, и он не скрывал своих симпатий к исчезающим «общинным» связям типа «*Gemeinschaft*». Консерватизм первой половины XIX в., как утверждал другой консервативный мыслитель К. Мангейм, был защитой «*Gemeinschaft*» от «*Gesellschaft*» [*Славянофильство*, 130]. Поэтому мы можем сказать, что, с одной стороны, теория Ф. Тенниса родилась на основе того мироощущения, того способа проблематизации положения человека в обществе, которые он во многом разделял со своими современниками, в том числе и русскими славянофилами и участниками коммунитарного движения; с другой стороны, именно его идеи положили начало научному изучению общностей различного типа, противопоставлению традиционного и современного типов обществ.

Американский историк польского происхождения А. Валицкий задался целью рассмотреть славянофилов как мыслителей, озабоченных реальными, а не «мифическими» проблемами, причем не специфически русскими, а во многом совпадающими с теми, которые были в центре европейской мысли во времена дискуссии о наследстве Просвещения и опыте Французской революции. Он пришел к выводу, что характерное для славянофильства противопоставление России и Европы лишено национализма и совпадает с противопоставлением двух типов общества, двух типов связи между индивидом и коллективом, описанных Ф. Теннисом, в связи с чем славянофильство можно расценивать как часть европейской консервативно-романтической традиции [*Славянофильство*, 123]. В коммунитарном движении была также значительная антимодернизационная составляющая, которая аналогичным образом делала участников коммунитарного движения приверженцами общностей типа «*Gemeinschaft*» [*Гордеева 2003*, 145–149].

Специфика общественного идеала участников российского коммунитарного движения и, в частности, «толстовцев», заключается в том, что они рассматривали его как альтернативу насиль-

7. Цит. по: [*Славянофильство*, 124].

ственному революционному пути и имели специфические представления о методах протеста — они должны быть непременно мирными, духовными, но в тоже время *радикальными*, направленными на коренное переустройство общества и отношений между людьми. Построение коммунитарных сообществ можно понимать как форму эскапизма, а можно и как форму активного преобразующего влияния на жизнь, как отклик на насущные проблемы. В начале XX в. эта направленность «толстовцев» на мирное переустройство человеческих отношений в духе идеалов ненасилия привела к формированию радикально-пацифистского движения, целью которого была мирная, ненасильственная *революция братства* [Гордеева 2015, 227–235].

Мне представляется, что в идеях Н. Н. Неплюева также присутствует «революционная» составляющая, несмотря на то, что понятие «революция» он к своим идеалам никогда не применял и, скорее всего, будучи консервативным романтиком, не мог применять. Тем не менее его главная цель, о чем он многократно заявлял, — водворение на земле царства любви — безусловно, революционная, достигнуть которую он намеревался как экономическими средствами (решение земельного вопроса), так и духовными (воспитание).

Революция для Николая Николаевича — радикальное переустройство отношений в духе христианского миролюбия. Он подписывался под главным лозунгом Французской революции, заявляя, что его путь более верный:

Не меньшего, а большего я желаю для человечества, чем те, которые призывают его к вражде и борьбе: большей свободы, которая невозможна без дисциплины любви и духовных навыков, противоположных злобе и борьбе, большего равенства, чем то, которое получается между победителями и побежденными в результате борьбы, более реального братства, чем то, которое в результате кровавого террора революции и словесного провозглашения «прав человека» имеется только в виде золотых букв на каменных фронтонах публичных зданий, в современной Франции, бесконечно более мирного благоденствия, чем кровавый потоп анархии, надвигающийся грозною тучею над горизонтом боевого прогресса самых передовых наций Европы [Неплюев. По поводу, 3].

Подобно «толстовцам», которые были уверены в том, что их «мирная революция» радикальней насильственных действий революционером, и на самом деле только она является истинной

революцией, Н. Н. Неплюев был «...глубоко убежден, что путь мира и любви более практически прогрессивен, чем путь злобы и борьбы» [Неплюев. *По поводу*, 3–4].

Н. Н. Неплюев использовал слово «переворот» для указания на радикальность желаемых им изменений. «Хлебом насущным для России я считаю *мирный переворот* (курсив мой. — И. Г.) в экономическом строе страны и реорганизацию сельских школ в воспитательные заведения» [Неплюев. *Хлеб*, 301], писал он в работе 1883 г. «Хлеб насущный», где подробно рассматривал свой общественный идеал и пути его достижения. Эту идею он повторял многократно и в разных формулировках:

Действительно, только правительство, при *искренней* поддержке помещиков, может совершить в нашем отечестве *мирным* путем *громадный экономический переворот*, который, обеспечив благосостояние массы, будет порукою спокойного шествия России к дальнейшим стадиям прогресса [Неплюев. *Хлеб*, 323]⁸.

«Мирный переворот» («мирный прогресс»), как его задумал Николай Николаевич, был альтернативой насильственной революции: «Если бы вся Россия была составлена из трудовых братств подобных нашему, всякое недовольство и всякая революция оказались бы совершенно нелепыми», — считал он и призывал «людей доброй воли»:

Постарайтесь покрыть ваши страны сетью рабочих ассоциаций на основе мира умов и сердец, дисциплинированных любовью [Неплюев. *Воззвание*, 14, 16].

Мирную альтернативу насильственной революции Н. Н. Неплюев называл «мирным прогрессом» и указывал, что цель такого «прогресса» — коренное изменение существующего строя: «...насущными, неотложными потребностями современной России я признаю: пересоздание ее экономического строя и реорганизацию сельских школ в воспитательные заведения» [Неплюев.

8. Отсылка к правительству как инициатору переворота, возможно, является у Н. Н. Неплюева риторической. Весь его план говорил о том, что надежду он возлагает прежде всего на помещиков и, позднее, на религиозную общественность в широком смысле [Неплюев. *Хлеб*, 323].

Хлеб, 326]. Мирный прогресс, мирный переворот он мыслил как единственно возможный путь спасения от насильственной революции. Самым прогрессивным из всех для него был христианский идеал: «...кто не понимает, что христианство, стремясь к недостижимому идеалу, по самой сущности своей бесконечно прогрессивно, тот не усвоил себе духа христианской доктрины. До тех пор пока не водворилось на земле царство любви, пока мы повторяем слова молитвы “да придет царствие Твое”, всякий истинный христианин обязан деятельно стремиться к просимому, обязан неуклонно шествовать вперед по пути прогресса, иначе он лживо произносит слова молитвы...» [*Неплюев. Хлеб*, 310].

В «Объяснительной записке к первому проекту устава братства» Николай Николаевич недвусмысленно пишет о том, что его расхождение с современными революционерами — лишь в методах, а не в цели: проект Трудового братства направлен на разрешение социального вопроса, как и у революционеров, но не тем путем:

Мы ясно понимаем безобразие современного социального строя; мы ясно представляем себе идеал лучшего социального устройства. Весь вопрос в том, как перейти от безотрадного настоящего к лучшему будущему. Существуют два пути: путь медленный — добровольной и дружной деятельности всех классов общества, и путь скорый — грубого физического насилия [*Неплюев. Объяснительная*, 367].

Метод, способ осуществления такой революции — создание трудовых братств, через низовую самоорганизацию сознательно верующих людей, в согласии и под контролем государства.

Николай Николаевич неоднократно писал о необходимости изменения социального строя страны «в духе христианства». «Мирная реорганизация экономического строя», по Н. Н. Неплюеву, предполагалась в радикальном ключе: она должна была включать в себя создание ассоциаций — земледельческих артелей, которые будут арендовать землю и обрабатывать ее сообща [*Неплюев. Хлеб*, 304]. Для этих целей он находил справедливым даже обязательное отчуждение у помещиков, за соответствующее вознаграждение, земель, которые не обрабатываются собственными средствами, а сдаются ими в аренду.

Инициаторами экономического переворота должны стать, по мнению Николая Николаевича, сами помещики и государство: «...всякое изменение экономического строя должно исходить

от людей имущих, для того, чтобы изменения эти не приобретали форму насилия» [Неплюев. *Хлеб*, 307]. Организацией Трудового братства он хотел подать пример альтруизма другим состоятельным людям.

В начале XX в. идея необходимости покрыть всю Россию сетью трудовых братств была выражена у Н. Н. Неплюева еще отчетливей. Во время революции 1905–1907 гг. он выступает с инициативой национального масштаба — создает проект устава Всероссийского братства — организации, призванной распространить принципы Трудового братства на всю Россию [Неплюев. *Письмо*; Неплюев. *Воззвание*; Неплюев. *Всероссийское*]. С осени 1906 г. с небольшой группой своих сторонников Николай Николаевич пытается создать две организации — одну чисто религиозную («Всероссийское братство»), а другую светскую («для добрых сарматян») в форме партии или общества с этическими целями.

Перед предполагаемым братством были поставлены следующие цели: проповедь жизненного значения христианства посредством печатного органа и беседований в разных слоях общества; воспитание народа и оздоровление его души путем организации братских союзов в школах и приходах; нравственная поддержка и защита пастырей, законоучителей, педагогов и частных лиц в осуществлении целей, поставленных перед братством [Неплюев. *Доклад в Киевском*, 6].

Прототипом задуманной Н. Н. Неплюевым светской организации послужило французское Общество социального мира, основанное в Париже инженером и социологом Фредериком Ле Пле⁹ после революции 1848 г. Главным злом Ле Пле и его сторонники признавали подрываемое революцией уважение к социальным авторитетам: к религии, власти, главе семьи и т. п. [Неплюев. *Доклад в Киевском*, 10].

Николай Николаевич солидаризуется с их взглядами на роль революций, которые, по его мнению, приводят к регрессу. Он неоднократно заявлял о своем отвращении к кровавым социальным революциям, которыми охвачена Западная Европа [Неплюев. *Доклад*, 18]. К первой русской революции, анархической и насиль-

9. Фредерик Ле Пле (Frédéric Le Play) (1806–1882) — французский социолог и инженер, основатель *Société internationale des études pratiques d'économie sociale* и *Unions de la paix sociale*. Взглядами Ле Пле интересовался К. П. Победоносцев, который резко отрицательно относился к идеям Неплюева [Победоносцев].

ственной, у него также резко негативное отношение, с конспирологическим оттенком [*Неплюев. Воззвание, 4–5*].

Н. Н. Неплюев писал, что «...всякая революция вреднее всякого застоя. Полезен только мирный прогресс» [*Неплюев. Доклад в Киевском, 10*]. По его мнению, школа социального мира признает, что главной причиной всех революций является «...дурное выполнение своего социального долга представителями социальных авторитетов. Когда духовенство, правительства, богатые люди и главы семей перестают сознавать свои нравственные обязанности и честно исполнять свой нравственный долг, нарушается социальная гармония и наступают такие социальные невзгоды, нетерпеливое желание отделаться от которых и приводит к социальным пароксизмам, именуемым революциями» [*Неплюев. Доклад в Киевском, 12–13*].

Тем не менее Н. Н. Неплюев не отрицает необходимость «социальной революции» как кардинального изменения строя жизни, но считает, что она должна иметь характер мирной эволюции. По его мнению, ошибка консерваторов состоит в том, что у них нет серьезной программы «мирного прогресса» или хотя бы «...простого убеждения в том, что этот мирный прогресс в направлении общего благоденствия, возможен и желателен». Из-за этого Николай Николаевич был склонен «...считать социальную революцию неизбежною в самом ближайшем будущем» [*Неплюев. Воззвание, 7*]. Призывая сойти «с пути боевого на путь мирного прогресса», он призывал общественность перейти от насильственной революции к мирной, но не менее радикальной, революции [*Неплюев. По поводу, 5*].

Н. Н. Неплюев изначально рассчитывал, что дело его Трудового братства подхватят другие, таких братств со временем возникнет много, и не только в земледелии, но и в промышленности, торговле и либеральных профессиях, и постепенно с их помощью преобразится весь социально-экономический строй. Сначала он адресовал свой призыв русским помещикам и правительству, поскольку они сообща могут «...совершить в нашем отечестве мирным путем громадный экономический переворот, который, обеспечив благосостояние массы, будет порукою спокойного шествия России к дальнейшим стадиям прогресса», а в период революции он обратил свой призыв ко всем русским людям, без исключения [*Неплюев. Хлеб, 323*].

Представители церковных властей и так настороженно относились к Н. Н. Неплюеву, считая, что он «с великою гордостью, с самомнением и самоуверенностью» думает о своих учреждениях

и считает себя «...каким-то великим реформатором, наподобие Лютера, каким-то особым избранником Божиим, способным на своих началах переустроить и устроить все в России; что к Церкви Божией он, по-видимому, стал относиться с пренебрежением, а свое Братство выставляет чуть ли не единственным светочем в мире, способным просветить и устроить всех и вся»¹⁰. Один из священников, работавших в братстве, обвинял Николая Николаевича в наличии у него «широких завоевательных планов», стремлении к экстенсивному росту братства [*Неплюев. Частное, 20–23*].

Таким образом, неославянофильский проект Н. Н. Неплюева был частью традиции проектирования мирных, духовных революций, связанных с историей российского коммунитарного движения последней четверти XIX — начала XX в. Частью этой традиции были коммунистические идеи позитивиста В. Фрея, учение А. К. Маликова о мирной эволюции общества к добру и справедливости, проект А. Н. Энгельгардта по воспитанию «интеллигентных земледельцев», идеи «толстовцев» о мирном самосовершенствовании в общинах как основном пути изменения общества, и т. п. Специфика идей Николая Николаевича состояла в том, что он мыслил такую революцию в духе православной традиции.

Источники

1. *Воздвиженское* = Воздвиженское Трудовое Братство : [Альбом]. СПб. : Тов. Р. Голике и А. Вильбор, 1903.
2. *Неплюев. Вера* = Неплюев Н. Н. Вера и жизнь : Публичная лекция для верующих. СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1905. 50 с.
3. *Неплюев. Воззвание* = Неплюев Н. Н. Воззвание к друзьям свободы и порядка. СПб. : Синод. тип., 1907. 16 с.
4. *Неплюев. Всероссийское* = Неплюев Н. Н. Всероссийское Братство : [В киевскую комиссию, вырабатывающую устав его] : [Прошение]. СПб. : Синод. тип., 1907. 15 с.
5. *Неплюев. Вставай* = Неплюев Н. Н. «Вставай, страна моя родная!» : Доклад на Киевском Всероссийском съезде Союза русских людей. Киев : Типо-лит. И. И. Чоколова, 1906. 20 с.

10. По предложенному вопросу о принятии Ее Императорского Высочества Великой Княгиней Евгениею Максимилиановною Ольденбургскою звания почетного члена Крестовоздвиженского Братства Черниговской епархии, 26 января — 6 февраля 1908 г. РГИА. Ф. 796. I стол. VI отдел. Оп. 189 (1908 г.). Д. 7977. 5 л.

6. *Неплюев. Доклад* = Неплюев Н. Н. Доклад Глуховскому комитету высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине. СПб. : Типо-лит. В. А. Тиханова, 1903. 39 с.
7. *Неплюев. Доклад в Киевском* = Неплюев Н. Н. Доклад в Киевском совещании по вопросу объединения добрых сил на дело мирного созидания, 11 октября 1906 г. Киев : Типо-лит. И. И. Чоколова, 1906. 20 с.
8. *Неплюев. Историческое* = Неплюев Н. Н. Историческое призвание русского помещика. М. : Тип. И. Барнет, 1880. 19 с.
9. *Неплюев. Материалы* = Неплюев Н. Н. [Материалы для проекта устава Всероссийского Братства]. Киев : Типо-лит. И. И. Чоколова, 1907. 64 с.
10. *Неплюев. Объяснительная* = Неплюев Н. Н. Объяснительная записка к первому проекту устава братства // Он же. Полн. собр. соч. : В 5 т. Т. 3. СПб. : Типо-лит. В. А. Тиханова, 1902. С. 366–369.
11. *Неплюев. Партия* = Неплюев Н. Н. Партия мирного прогресса : Ее идеальные основы и жизненная программа. 2-е изд. Глухов : Тип. А. К. Нестерова, 1906. 42 с.
12. *Неплюев. Письмо* = Неплюев Н. Н. Письмо к сельскому населению. Киев : Типо-лит. И. И. Чоколова, 1905. 12 с.
13. *Неплюев. По поводу* = Неплюев Н. Н. По поводу докладов «Война или мир» и «Вера и жизнь». СПб. : Типо-лит. В. А. Тиханова, 1905. 8 с.
14. *Неплюев. Совесть* = Неплюев Н. Н. Совесть : Стимул, забытый профессором Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния : Страница из жизни помещика // Он же. Полн. собр. соч. : В 5 т. Т. 3. СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1902. С. 255–270.
15. *Неплюев. Трудовые* = Неплюев Н. Н. Трудовые братства : Могут ли долее обходиться без них церковь и христианское государство и как их осуществить? Лейпциг : Тип. Бэра и Германна, 1893. 24 с.
16. *Неплюев. Хлеб* = Неплюев Н. Н. Хлеб насущный // Он же. Полн. собр. соч. : В 5 т. Т. 3. СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1902. С. 297–326.
17. *Неплюев. Христианское* = Неплюев Н. Н. Христианское движение на Западе // Книжки недели. 1897. № 7. С. 5.
18. *Неплюев. Частное* = Неплюев Н. Н. Частное ответное письмо Н. Н. Неплюева на письмо священника Иванова : Писано от 9 по 21 августа 1902 г. : Содержит в себе подробное изложение взглядов на желательные взаимные отношения между православным пастырем и его прихожанами. СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1903. 102 с.
19. *Победоносцев* = Победоносцев К. П. Ле-Пле // Русское обозрение. 1893. Сентябрь. Т. 23. С. 5–30.

Литература

1. *Авдасев* = Авдасев В. Н. Трудовое братство Н. Н. Неплюева : Его история и наследие. Сумы : АС-Медиа, 2003. 64 с.
2. *Валицкий* = Валицкий А. История русской общественной мысли : От просвещения до марксизма. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с.
3. *Гордеева 2015* = Гордеева И. А. «Все люди — братья» : Российские радикальные пацифисты во время Первой мировой войны // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М. : ГМТ, 2015. С. 227–235.
4. *Гордеева 2003* = Гордеева И. А. «Забывшие люди» : История российского коммунистического движения. М. : АИРО-XX, 2003. 240 с.
5. *Славянофильство* = Славянофильство и западничество : Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого : Реферативный сборник : В 2 вып. М. : [б. и.], 1991. Вып. 1. 191 с.
6. *Соловьев. Богочеловеки* = Соловьев К. А. «Богочеловеки» в Америке // «Будущего нет и не может быть без наук...» : Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова. М. : МГУ, 2005. С. 635–656.
7. *Соловьев. Кружок* = Соловьев К. А. Кружок «Беседа» : В поисках новой политической реальности, 1899–1905. М. : РОССПЭН, 2009. 287 с.
8. *Соловьев. Я сказал* = Соловьев К. А. «Я сказал: вы — боги...» : Религиозное течение в освободительном движении 70-х годов XIX века в России : «Богочеловечество». М. : МГУ, 1998. 135 с.
9. *Теннис. Основные* = Теннис Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
10. *Теннис. Социологический* = Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 206–229.
11. *Тесля. Церковные* = Тесля А. А. Церковные вопросы 1860–1880-х годов и позиция славянофилов. URL: <http://gefter.ru/archive/11908> (дата обращения: 25.01.2017).
12. *Тесля. Этапы* = Тесля А. А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность : Сборник научных трудов / Под ред. Л. Е. Бляхера. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2010. С. 29–31.
13. *Alston* = Alston C. Tolstoy and His Disciples : The History of a Radical International Movement. London, New York : I. B. Tauris, 2014. 288 p.

A. Gordeyeva

Nikolay Neplyuyev's Views in the Context of Neo-Slavophilism in the Second Half of the XIX — the Early XX Century

The article concerns Nikolay Neplyuyev's (1851–1908) project of the Labour Brotherhood in the context of the Neo-Slavophiles' history in the second half of the XIX — the early XX century. Neplyuyev, a Christian socialist, aimed at solving the pressing socioeconomic, religious and ethical issues of the time. This implied a radical reorganisation of the social, economic and spiritual structure of the society. Neplyuyev called the path towards his social ideal a “peaceful progress” or a “peaceful upheaval”. These notions could be regarded as a counterpart of the Tolstoyan idea of nonviolent revolution emerged in the early XX century.

KEYWORDS: Neo-Slavophilism, communitarian movement, peaceful revolution, Nikolay Neplyuyev (1851–1908), The Holy Cross Labour Brotherhood, Christian socialism.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

